

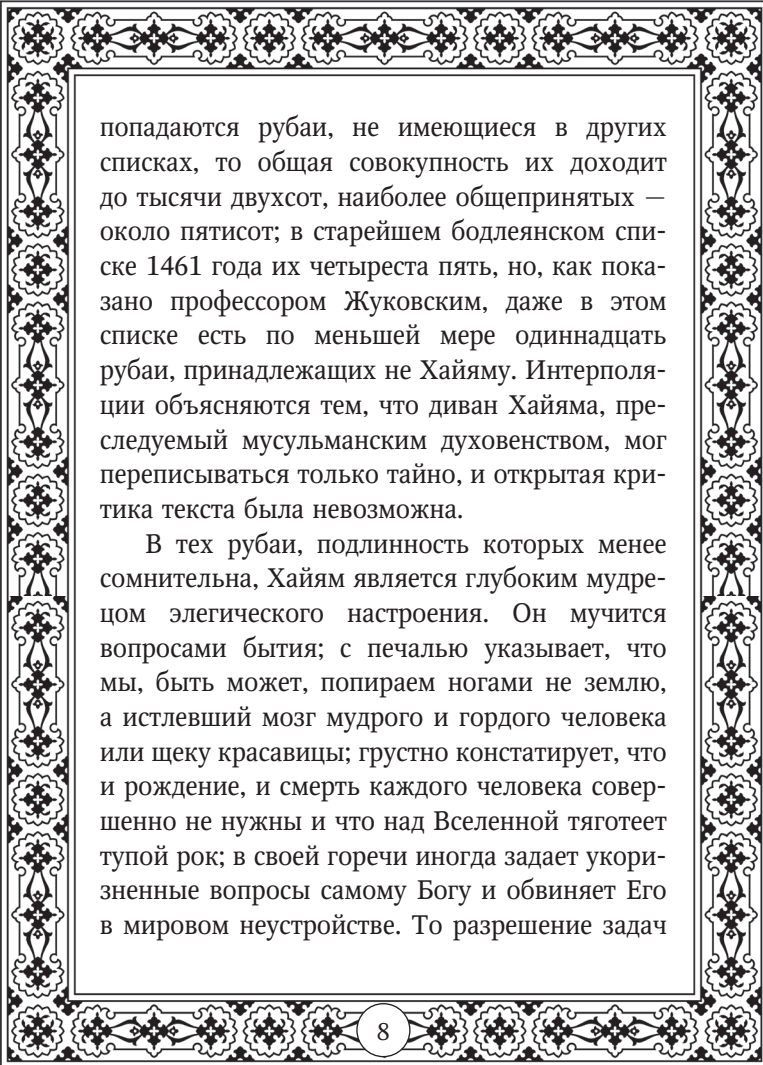

БИОГРАФИЯ ПОЭТА И ФИЛОСОФА

Хайям (Гиясаддин Абу-ль-Фатх ибн Ибрахим Омар Нишапурский) – персидский поэт-философ, по-видимому, он был сыном нишапурского ткача и продавца палаток и родился около первой четверти XI века, если не позже. Обстоятельства его молодости и воспитания неизвестны. Общепринят рассказ о том, как около 1034 года Хайям был школьным товарищем будущего сельджукского визира Низама аль-Мулька и будущего основателя секты ассасинов Хасана Саббаха, как они поклялись друг другу в дружбе и как Низам аль-Мульк, достигнув визирства у Меликшаха, оказал обоим товарищам протекцию. Таким образом объясняется получение Хайямом должности астронома султанской обсерватории в Мерве.

Старейшая биография Хайяма свидетельствует только, что Хайям в философских науках был равен Ибн Сине (Авиценне), которого он читал даже перед смертью и «греческую науку» которого преподавал другим; он был прекрасным математиком-алгебраистом и астрономом, хорошо знал историю, филологию и мусульманское законоведение; его обществом дорожил султан Мелик-шах; у него просил научных объяснений знаменитый философ-скептик, прозванный «доказательство ислама», шейх Газзалий. Учеников Хайяма неприятно поражали только его резкость и желчность.

Свои философско-поэтические идеи Хайям облакал в форму рубаи (четверостиший), которая введена была в персидскую литературу незадолго до Хайяма и которой пользовался также Ибн Сина. По содержанию рубаи Хайяма оказываются прямым продолжением рубаи Ибн Сины, но по форме — несравненно выше: они отличаются выразительной сжатостью и художественностью, глубоким элегическим чувством, иногда метким, насмешливым остроумием. Так как во многих новейших списках

попадаются рубаи, не имеющиеся в других списках, то общая совокупность их доходит до тысячи двухсот, наиболее общепринятых — около пятисот; в старейшем бодлеянском списке 1461 года их четыреста пять, но, как показано профессором Жуковским, даже в этом списке есть по меньшей мере одиннадцать рубаи, принадлежащих не Хайяму. Интерполяции объясняются тем, что диван Хайяма, преследуемый мусульманским духовенством, мог переписываться только тайно, и открытая критика текста была невозможна.

В тех рубаи, подлинность которых менее сомнительна, Хайям является глубоким мудрецом элегического настроения. Он мучится вопросами бытия; с печалью указывает, что мы, быть может, попираем ногами не землю, а истлевший мозг мудрого и гордого человека или щеку красавицы; грустно констатирует, что и рождение, и смерть каждого человека совершенно не нужны и что над Вселенной тяготеет тупой рок; в своей горечи иногда задает укоризненные вопросы самому Богу и обвиняет Его в мировом неустройстве. То разрешение задач

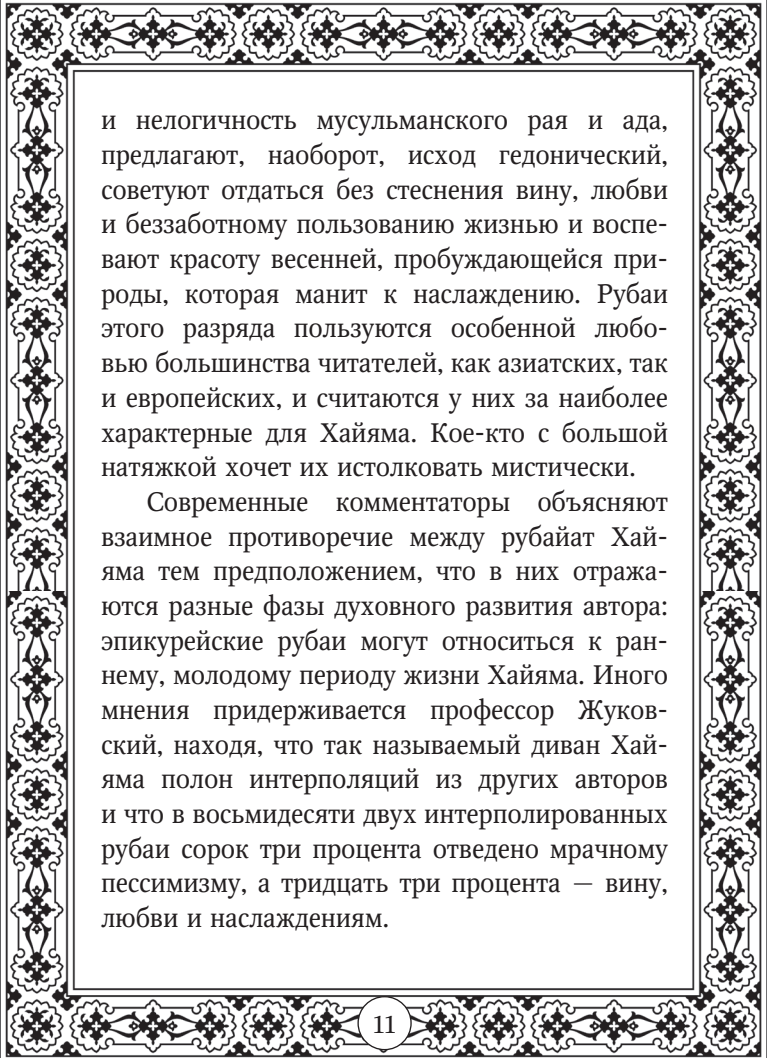

жизни, которое предлагает ислам, кажется Хай-
яму полным противоречий, а мусульманские
представления о загробной жизни с Мухамме-
довым раем и адом — смешными; мусульманское

духовенство с его узким догматизмом и жадностью возбуждает в Хайяме желчную злобу и отвращение. Его не удовлетворяет ни одна из позитивных религий, которые в его глазах все не выше и не ниже ислама. Исход для себя Хайям, судя по иным рубаи, видит в суфийском мистицизме, причем, однако, те суфии, которые проявляют ханжество и лицемерие, ему столь же противны, как и обыкновенное исламское духовенство. Хайям проповедует уничтожение эгоизма, нравственную чистоту, тихую, созерцательную жизнь пантеиста, теплую любовь ко всеобъемлющему Богу, понятому не в догматическом смысле, а в стремлении к царству вечного, светлого и прекрасного.

В полном соответствии с этими рубаи Хайяма находится биографическое сообщение, по которому Хайям почти с последним вздохом закрыл философскую книгу «Исцеление» Ибн Сины на отделе «О едином и многом» и, произнеши молитвенную благодарность Богу за то, что Его познал, скончался.

Многие рубаи, указывая на бесцельность мира, необязательность коранских предписаний

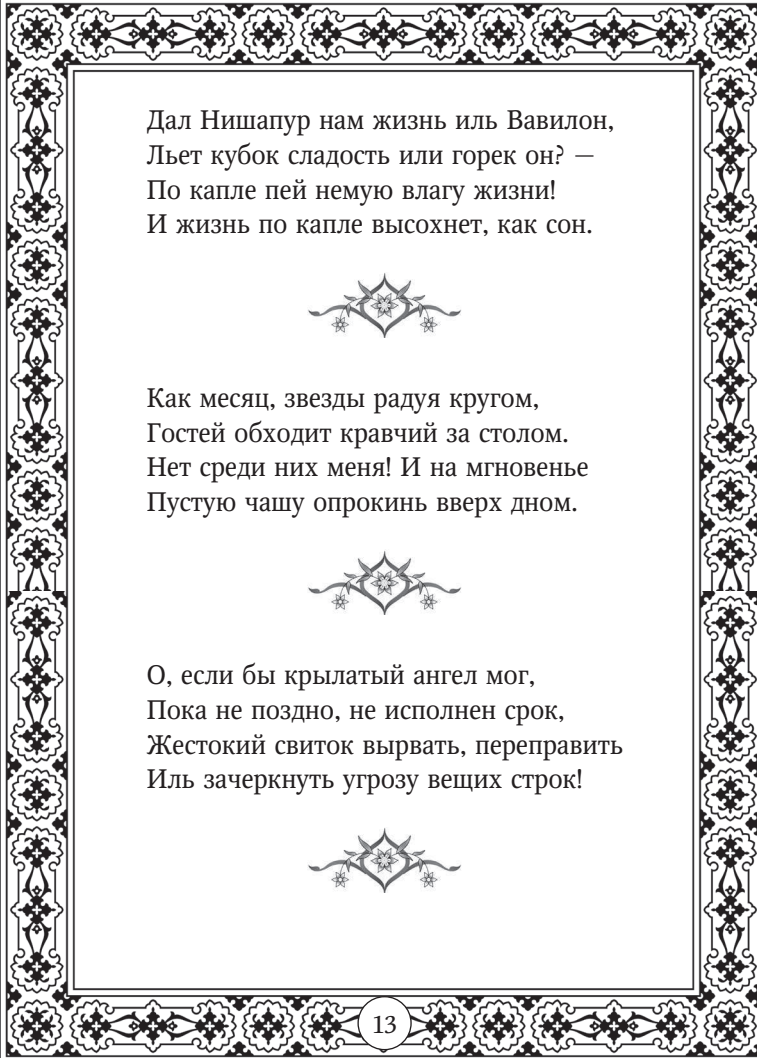
и нелогичность мусульманского рая и ада, предлагают, наоборот, исход гедонический, советуют отдаться без стеснения вину, любви и беззаботному пользованию жизнью и воспевают красоту весенней, пробуждающейся природы, которая манит к наслаждению. Рубаи этого разряда пользуются особенной любовью большинства читателей, как азиатских, так и европейских, и считаются у них за наиболее характерные для Хайяма. Кое-кто с большой натяжкой хочет их истолковать мистически.

Современные комментаторы объясняют взаимное противоречие между рубаиат Хайяма тем предположением, что в них отражаются разные фазы духовного развития автора: эпикурейские рубаи могут относиться к раннему, молодому периоду жизни Хайяма. Иного мнения придерживается профессор Жуковский, находя, что так называемый диван Хайяма полон интерполяций из других авторов и что в восьмидесяти двух интерполированных рубаи сорок три процента отведено мрачному пессимизму, а тридцать три процента — вину, любви и наслаждениям.

Кто розу нежную любви привил
К порезам сердца, — не напрасно жил!
И тот, кто сердцем чутко слушал бога,
И тот, кто хмель земной услады пил!

Дал Нишапур нам жизнь иль Вавилон,
Льет кубок сладость или горек он? —
По капле пей немую влагу жизни!
И жизнь по капле высохнет, как сон.

Как месяц, звезды радуга кругом,
Гостей обходит кравчий за столом.
Нет среди них меня! И на мгновенье
Пустую чашу опрокинь вверх дном.

О, если бы крылатый ангел мог,
Пока не поздно, не исполнен срок,
Жестокий свиток вырвать, переправить
Иль зачеркнуть угрозу вещей строк!

О, если бы покой был на земле!
О, если бы покой найти в земле!
Нет! — оживешь весеннею травой
И будешь вновь растоптан на земле.

Ты обойден наградой? Позабудь.
Дни вереницей мчатся? Позабудь.
Небрежен ветер: в вечной книге жизни
Мог и не той страницей шевельнуть...

«Не станет нас». А миру — хоть бы что!
«Исчезнет след». А миру — хоть бы что!
Нас не было, а он сиял и будет!
Исчезнем мы... А миру — хоть бы что!

Ночь. Брызги звезд. И все они летят,
Как лепестки сиянья, в темный сад.
Но сад мой пуст! А брызги золотые
Очнулись в кубке... Сладостно кипят.

Что там, за ветхой занавеской тьмы
В гаданиях запутались умы.
Когда же с треском рухнет занавеска,
Увидим все, как ошибались мы.

Весна. Желанья блещут новизной.
Сквозит аллея нежной белизной.
Цветут деревья — чудо Моисея...
И сладко дышит Иисус весной.

